

Черный автомобиль

с потушенными фарами
завернул с **Садовой** на
Соборную площадь,
двигаясь очень медленно,
словно на ощупь.

Одесса, конец марта 1936 года

ГЛАВА 1

Черный автомобиль с потушенными фарами завернул с Садовой на Соборную площадь, двигаясь очень тихо и медленно, словно на ощупь. Ночь была абсолютно безлунной. Только кое-где, под тусклым ночным фонарем, полурастаявшие полосы снега бросали белесоватый отблеск на мостовую, словно сожалея о том, что наступает весна, и этот призрачный снег, еще недавно сковывавший застывшую ночь льдом и морозом, постепенно исчезает.

Абсолютная тишина казалась объемным телом. Такая тишина бывает только в очень морозные, снежные ночи, когда весь мир словно спит. Однако

снег уже почти весь растаял, и температура выше нуля отчетливо чувствовалась в воздухе. Тишина же была просто звенящей. И редкие выхлопы автомобиля громким взрывом звучали даже несмотря на то, что мотор работал на самой низкой скорости.

Повернув, машина покатила по старинной брусчатке, неуклюже перекатываясь по булыжникам. Слева возвышался собор. Его мрачная громада словно нависла над городом, закрывая всю площадь. И, несмотря на безлунную ночь, тень от собора накрыла землю, как покрывало из черного бархата, погребая под собой здания, мостовую, автомобиль и находящихся в нем людей.

— Этот дом? — Водитель, белобрысый молодой парень, полуобернулся к двум мужчинам постарше, сидящим на заднем сиденье. Те хранили угрюмое молчание, глядя прямо перед собой.

Один из них был в надвинутой почти на глаза фуражке. Плотный козырек почти полностью скрывал лицо. По всей видимости, сделано это было специально. Несмотря на то что фуражка явно доставляла ему определенные неудобства, он не собирался ее сдвигать.

— Сказано тебе было... Папудова, — отозвался второй, без фуражки, с обветренным, уставшим, заросшим недельной щетиной лицом. На нем была военная форма, но без погон, в то время как его

спутник был в офицерском пальто из темной шерсти, застегнутом на все пуговицы, опять-таки, без опознавательных знаков.

— Так вы сказали, как с улицы завернем, дом напротив собора! — весело отозвался парень, сохранявший отличное расположение духа, несмотря на поздний ночной час и мрачные, напряженные лица своих пассажиров.

— С другой стороны, деревня, — презрительно бросил мужчина в форме, — самый знаменитый дом Одессы знать надо.

— А по мне — так один хрен! — хохотнул парень, но тут же осекся, почувствовав напряжение, повисшее в воздухе.

— Давно в городе? — Глухой голос мужчины в фуражке прозвучал неожиданно и вроде бы спокойно, просто внушительно, но было в нем нечто такое, от чего парень за рулем буквально задохнулся, чувствуя поползшие вдоль спины мурашки.

— Второй месяц... — дрожащим голосом отозвался он, разом растеряв и жизнерадостность, и бодрый, веселый тон.

И вдруг стало понятно, что сейчас три часа ночи, город застыл, словно оцепенев по приказу невидимого, но очень страшного командира, а автомобиль с потушенными фарами, проезжающий в тени огромного каменного собора, — знак беды, имя которой «страх».

— Извините... карту просто изучил плохо... — почти шепотом добавил водитель, напряженно сжав руль.

Страшный пассажир больше ничего не сказал. Тень от собора стала отчетливей: тусклый уличный фонарь, со скрипом раскачиваясь на ветру, высветил величественные каменные стены и высокую колокольню, острым шпилем уходящую прямоком в небо.

— Говорят, церковь не всю разобрали... Кладка прочная. — Человек в военной форме повернулся к своему соседу. — Надо бы наряд поставить... Хоть по ночам...

— Зачем? — Повернув голову, мужчина в фуражке уставился на собор, затем резко отвернулся.

— Говорят, огни видели... Как будто по церкви кто ходит. Значит, по ночам надо бы охранять. — Военный заискивающе смотрел на своего спутника, в котором за версту можно было разгадать большого начальника.

— И я слышал, — встрял в разговор шофер, который уже забыл, что надо бояться. — Народ говорит, что в закрытой церкви всегда есть блуждающие огоньки! Это не к добру.

— Сидел бы ты в своей деревне и не высывался! — в сердцах отозвался военный, которого вдруг стало раздражать абсолютно все.